 © Авторы статьи / Authors of the article

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА/THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.83.7 EDN: EKDDVZ

БЕСКОНФЛИКТНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: КАК ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК СТАЛ ГОСУДАРСТВЕННЫМ, А РУССКИЙ СТАЛ ЯЗЫКОМ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ (1989–2019 ГГ.)

Научная статья

Улугов Ф.[1, *]
[1] ORCID : 0009-0007-7345-5750;
[1] Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (firuzbakht81[at]gmail.com)

Предложена: 06.09.2026; Принята: 21.10.2026; Опубликована: 09.11.2026

Аннотация

Статья посвящена национально-культурной идентичности таджикского языка и эволюции языковой политики Республики Таджикистан: от принятия Закона «О языке» 22 июля 1989 г. до государственных языковых программ 2019 г. Автор исходит из понимания языка как фактора социальной стабильности, межнациональной коммуникации и воспитания; языковая же политика предстает не борьбой языков, а закономерным процессом их правового оформления. Цель исследования состоит в анализе этносоциальных, лингвокультурологических и правовых предпосылок, содержания и преемственности развития языковой политики Таджикистана от Закона Таджикской ССР «О языке» 1989 г. к Закону Республики Таджикистан «О государственном языке» 2009 г. Использованы методы анализа конституционных норм и международных правовых актов, контент-анализ языкового законодательства, функциональный анализ языковой ситуации, лингвокультурологический и историко-сопоставительный анализ. Языковая политика рассматривается как социолингвистический феномен. Установлено, что таджикский язык до 1989 г. был полноценным языком общественной жизни: на нем велись теле- и радиопередачи, шло преподавание в учебных заведениях, дублировались официальные документы, но не имел юридического титула государственного языка. Закон 1989 г. совершил качественный рывок: он возвел живой, полнофункциональный таджикский язык в ранг государственного, сделав это поэтапно и при гарантиях свободного функционирования русского языка; Конституция 1994 г. и Закон 2009 г. конституировали и детализировали достигнутую модель, сохранив базовые гарантии многоязычия. Показано, что придание таджикскому языку статуса государственного и переопределение русского языка как языка межнационального общения были осуществлены без конфликта, преимущественно правовыми средствами, на основе компромиссных формул и поэтапного внедрения, что составляет феномен бесконфликтной языковой политики для постсоветского региона. Сделан вывод, что языковая политика Таджикистана развивалась преемственно: от республиканской модели билингвизма к суверенной модели асимметричного многоязычия, в которой идентичностная функция государственного языка сочетается с коммуникативной ролью русского языка. Результаты могут быть использованы при совершенствовании языкового законодательства, разработке образовательных программ и в преподавании социолингвистики.

Ключевые слова: языковая политика, бесконфликтная языковая политика, государственный язык, таджикский язык, русский язык, язык межнационального общения, правовая преемственность, национально-культурная идентичность, Таджикистан.

THE CONFLICT-FREE EVOLUTION OF LANGUAGE POLICY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: HOW TAJIK BECAME THE OFFICIAL LANGUAGE AND RUSSIAN BECAME THE LANGUAGE OF INTER-ETHNIC COMMUNICATION (1989–2019)

Research article

Ulugov F.[1, *]
[1] ORCID : 0009-0007-7345-5750;
[1] Penza State University, Penza, Russian Federation

* Corresponding author (firuzbakht81[at]gmail.com)

Suggested: 06.09.2026; Accepted: 21.10.2026; Published: 09.11.2026

Abstract

The article is devoted to the national and cultural identity of the Tajik language and the evolution of language policy in the Republic of Tajikistan: from the adoption of the Law ‘On Language’ on 22 July 1989 to the state language programmes of 2019. The author proceeds from the understanding of language as a factor in social stability, inter-ethnic communication and education; language policy, meanwhile, is presented not as a struggle between languages, but as a natural process of their legal formalisation. The aim of the study is to analyse the ethno-social, linguo-cultural and legal prerequisites, as well as the content and continuity of the development of Tajikistan’s language policy from the 1989 Law of the Tajik SSR ‘On Language’ to the 2009 Law of the Republic of Tajikistan ‘On the State Language’. The methods used include the analysis of constitutional provisions and international legal instruments, content analysis of language legislation, functional analysis of the linguistic

 © Авторы статьи / Authors of the article

situation, and linguocultural and historical-comparative analysis. Language policy is examined as a sociolinguistic phenomenon. It has been established that, prior to 1989, the Tajik language was a fully-fledged language of public life: television and radio programmes were broadcast in it, teaching in educational institutions was conducted in it, and official documents were translated into it; however, it did not hold the legal status of a state language. The 1989 Act marked a qualitative leap forward: it elevated the living, fully functional Tajik language to the status of an official language, doing so in stages and with guarantees for the free use of the Russian language; The 1994 Constitution and the 2009 Act formalised and elaborated on the model that had been established, while preserving the fundamental guarantees of multilingualism. It is demonstrated that granting the Tajik language the status of an official language and redefining Russian as the language of inter-ethnic communication were achieved without conflict, predominantly through legal means, on the basis of compromise formulas and phased implementation, which constitutes a phenomenon of conflict-free language policy for the post-Soviet region. It is concluded that Tajikistan's language policy has developed in a continuous manner: from a republican model of bilingualism to a sovereign model of asymmetric multilingualism, in which the identity-forming function of the official language is combined with the communicative role of the Russian language. The results can be utilised in the improvement of language legislation, the development of educational programmes and the teaching of sociolinguistics.

Keywords: language policy, conflict-free language policy, official language, Tajik, Russian, language of inter-ethnic communication, legal continuity, national and cultural identity, Tajikistan.

Введение

Для многонационального государства вопрос о статусе языков никогда не бывает только языковым. Язык служит не только средством общения, но и фактором социальной стабильности, межнациональной коммуникации, воспитания подрастающего поколения [14, С. 7–19]. При этом таджикский язык до 1989 г. был полноценным языком общественной жизни, но не обладал юридическим титулом государственного языка [10, С. 92]. Придание ему этого титула в 1989 г. стало качественным рывком и отправной точкой языковой политики позднесоветского и постсоветского Таджикистана. В настоящей статье языковая политика рассматривается с позиций лингвистики как социолингвистический феномен, то есть как деятельность общества и государства по выбору, закреплению и развитию языковых средств в функционально значимых сферах общения. Такой ракурс позволяет анализировать законы не только как правовые акты, но и как инструменты языкового планирования.

Методологически важно, что в настоящем исследовании бесконфликтная языковая политика понимается в строгом социолингвистическом смысле: как отсутствие конфронтации между языковыми группами по поводу статуса и функций языков, реализуемое преимущественно через правовые и институциональные механизмы. Понятие относится исключительно к языковой сфере и не претендует на оценку общего политического контекста периода.

Особенность таджикистанского пути состоит в том, что этот переход был осуществлен без конфликта. На постсоветском пространстве языковой вопрос нередко становился источником сегрегации и острых противостояний, а в Центральной Азии предметом политического давления и торга между государствами [10], [11]. В Таджикистане же придание таджикскому языку статуса государственного и переопределение русского языка как языка межнационального общения прошли преимущественно правовым путем: через комиссионную разработку, общественное обсуждение, компромиссные формулы и поэтапное внедрение [1], [10, С. 92–93]. Настоящая статья направлена на то, чтобы показать механизм этого бесконфликтного перехода.

В научной литературе языковая ситуация и языковая политика Таджикистана рассматривались с различных позиций:

– А.А. Нозимов дал системную характеристику языковой ситуации и выдвинул концепцию таджикско-русского билингвизма [9];

– А.Х. Даудов и соавторы проанализировали трансформацию статуса национальных языков на материале советского и постсоветского Таджикистана [10];

– А.В. Шустов рассмотрел этносоциальные и демографические предпосылки языковых процессов [11];

– вопросы национальной идентичности раскрыты в работах М. Мадамиджоновой [13] и Н.Н. Дубровской, В.П. Кожевникова [14];

– концептуальные основания государственной языковой политики представлены в трудах Э. Раҳмона [12] и публикациях С. Шербоева [15], Б.Х. Сайфиддинова [16].

Вместе с тем правовая преемственность языкового законодательства (от Закона Таджикской ССР «О языке» 1989 г. к Закону «О государственном языке» 2009 г.) как самостоятельный объект анализа в специальных исследованиях выделена недостаточно, а сам Закон 1989 г. нередко оценивается ретроспективно, вне контекста своего времени [10, С. 91–93].

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе анализа этносоциальных, лингвокультурологических и правовых предпосылок охарактеризовать эволюцию языковой политики Республики Таджикистан от Закона 1989 г. до Закона 2009 г., выявить характер ее преемственности и показать, благодаря каким правовым механизмам переход к новой языковой модели оказался бесконфликтным.

Задачи:

1) определить международно-правовые основы языковой политики;

2) реконструировать контекст и содержание Закона ТаджССР «О языке» 1989 г.;

3) проанализировать конституционное закрепление языковой модели 1994 г.;

 © Авторы статьи / Authors of the article

4) выявить содержательные сдвиги Закона 2009 г. и последующих актов.

Научная новизна состоит в том, что преемственность правового регулирования выделена как принцип эволюции языковой политики Таджикистана, а Закон 1989 г. рассмотрен не как эпизод конфронтации, а как правовой фундамент всей последующей модели. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов при совершенствовании языкового законодательства и образовательных программ. Статья является фрагментом исследования по теме диссертации «Языковая политика Республики Таджикистан в постсоветский период» (научная специальность 5.9.8 (теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика)).

Методы и принципы исследования

Материалом исследования послужили:

– международные правовые акты (Устав ООН, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств 1995 г., Устав СНГ, Модельный закон о языках народов государств-участников СНГ 2004 г.);

– Закон Таджикской ССР «О языке» от 22 июля 1989 г. № 150 [1] с постановлениями о его введении [2], [3];

– Конституция Республики Таджикистан 1994 г. (с последующими изменениями) [4];

– Закон Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» от 5 октября 2009 г. № 553 [5] с изменениями 2011 г. [6];

– государственные программы 2019 г. [7], [8];

– научная литература по языковой ситуации и идентичности в Таджикистане [9], [10], [11], [12], [13], а также [14], [15], [16] и [17], [18], [19], [20].

Использованы методы:

– анализ конституционных норм и международных правовых актов;

– контент-анализ языкового законодательства (выделение статусных и функциональных норм и их динамики);

– функциональный анализ языковой ситуации (описание сфер употребления языков);

– лингвокультурологический анализ;

– историко-сопоставительный метод.

Понятийной основой анализа служат категории социолингвистики: статусное (статус-планирование) и корпусное (корпус-планирование) языковое планирование [21], языковая ситуация, билингвизм, функциональная стратификация языков. Такое сочетание методов позволяет рассматривать языковую политику Таджикистана одновременно в правовом, культурном и историческом измерениях.

Основные результаты

3.1. Международно-правовые основы языковой политики

Статус языка, наряду с территорией, является одним из атрибутов государственного суверенитета [14, С. 7–19]. Международные нормы, регулирующие языковые права, выступают общей основой национального языкового законодательства: статья 55 Устава ООН, статья 47 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., статьи 5, 10, 14, 17 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств 1995 г. закрепляют права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, на использование родного языка в частном и публичном порядке, на изучение родного языка и получение образования на нем. Устав Содружества Независимых Государств (ст. 35) предусматривает содействие согласованной политике в области культуры, образования и гуманитарных контактов, а Модельный закон о языках народов государств-участников СНГ 2004 г. служит ориентиром при выработке национального языкового законодательства. Данные акты задают рамку, в которой реализуется языковая политика Республики Таджикистан, закрепляя баланс между статусом государственного языка и гарантиями свободного развития языков национальных меньшинств [4], [5].

3.2. Закон Таджикской ССР «О языке» 1989 г.: контекст и содержание

Таджикский язык в Таджикской ССР был живым, полноценным языком общественной жизни: на нем велись теле- и радиопередачи, преподавали в учебных заведениях, дублировали официальные документы. На нем создавалась классика национальной культуры: Садриддин Айни (1878–1954), основоположник современной таджикской литературы, первый президент Академии наук Таджикской ССР; Мирзо Турсун-заде (1911–1977), классик поэзии, многолетний глава Союза писателей республики. Классическое наследие персидско-таджикской литературы массово издавалось в кириллической графике; всесоюзное признание получили таджикская музыка (Зиядулло Шахиди), театр и кино (Мухаммаджон Касымов, первый народный артист СССР в республике, Малика Собирова, Борис Кимягаров) [9], [12], [16]. Полноценным был и научный статус языка: Академия наук Таджикской ССР (создана в 1951 г.) издавала научные журналы и труды на таджикском языке, развивалась отраслевая терминология, шла подготовка научных кадров [9], [12].

Колоссальное развитие язык получил благодаря трудам таджикских ученых советского периода: Дододжон Таджиев заложил основы научной грамматики таджикского языка и был одним из авторов фундаментального труда «Научная грамматика таджикского языка»; Мухаммаджон Шакури сыграл ключевую роль в создании «Толкового словаря таджикского языка» (М., 1969), позднее переизданного в Иране, был избран действительным членом Академии наук Таджикистана и, что особенно знаменательно, выступил автором проекта Закона о таджикском языке, принятого 22 июля 1989 г. [12], [16]. Однако юридический титул государственного языка ему не был присвоен [10, С. 92]. Эпоха перестройки разблокировала обсуждение вопросов национального развития; принятие языковых законов в союзных республиках (первыми в Прибалтике, в январе 1989 г.) показало, что язык становится первым и наглядным символом обновления республик в рамках СССР [10, С. 92]. Закон от 22 июля 1989 г. вошел в число первых законов о государственном языке в СССР, а в Средней Азии Таджикская ССР оказалась здесь первой: аналогичные законы

 © Авторы статьи / Authors of the article

приняты в Казахской и Киргизской ССР в сентябре 1989 г., в Узбекской ССР в октябре 1989 г., в Туркменской ССР в мае 1990 г. [11, С. 56]. Таким образом, республика совершила в 1989 г. настоящий рывок, опередив соседей и придав титул государственного языку уже полноценно функционирующему таджикскому языку. Подготовка велась специальной комиссией Верховного Совета (42 человека) [10, С. 92]. Проект обсуждался широко: только в мае–июне 1989 г. редакция газеты «Вечерний Душанбе» получила 673 письма читателей [10, С. 93]. Общество включилось в работу всерьез.

Статья 1 впервые присвоила таджикскому языку юридический титул государственного: «Государственным языком Республики Таджикистан является таджикский язык (фарси)» [1]. При этом закон не отменял и не запрещал русский язык: статья 2 закрепляла его устоявшуюся функцию: «Русский язык, как язык межнационального общения народов СССР, свободно функционирует на территории Республики Таджикистан» [1]. Статья 3 обязывала создавать условия для свободного развития памирских языков и сохранения ягнобского, статья 4 охватывала также узбекский, киргизский, туркменский и другие языки [1]. К работникам органов власти и социальной сферы, общающимся с гражданами различных национальностей, устанавливались требования знания государственного и русского языков (ст. 6) [1]; каждому гражданину гарантировалось право выбора языка общения с органами власти и получения документов на приемлемом языке (ст. 5) [1]. Делопроизводство вводилось поэтапно, лицам, не владеющим государственным языком, обеспечивался перевод (ст. 7), для органов Душанбе устанавливались переходные сроки (ст. 36) [1]; Постановление Верховного Совета № 152 ввело основную часть статей в действие с 1 января 1990 г. [2]. Прагматизм, а не радикализм: таков, по сути, замысел законодателя [10, С. 93].

3.3. Конституция Республики Таджикистан 1994 г.: закрепление модели

Принятая на всенародном референдуме 6 ноября 1994 г. Конституция Республики Таджикистан закрепила достигнутую модель. Статья 1 определила Таджикистан социальным, демократическим, правовым государством; статья 2 провозгласила: «Государственным языком Республики Таджикистан является таджикский язык. Русский язык является языком межнационального общения» [4]. Эта формула, сохраненная в результате конституционных реформ 1999, 2003 и 2016 гг., действует и в настоящее время [4], [16]. Статья 5 гарантировала свободу каждому определять свою языковую принадлежность, свободно использовать родной язык, выбирать язык общения, воспитания и обучения, а также обеспечивала объединение в национально-культурные общества и свободное развитие всех национальных и культурных традиций [4]. Данная статья приобретает особое значение в контексте языковой политики: в Таджикистане проживают более 86 национальностей, что делает обеспечение языковых прав одним из условий общественной стабильности [4], [10, С. 97].

3.4. Закон «О государственном языке Республики Таджикистан» 2009 г.: развитие модели

Закон от 5 октября 2009 г. № 553 детализировал конституционную модель в условиях суверенного государства. Главных новелл три. Во-первых, появилась обязанность владеть государственным языком, причем не только у граждан: государство в симметричной форме обязывается обеспечивать его применение, защиту и развитие (ст. 3). Во-вторых, применение государственного языка распространено на все сферы политической, социальной, экономической, научной и культурной жизни (ст. 3, 5, 10). Наконец, политика обрела внешнее измерение: Республика «содействует защите и развитию таджикского языка за пределами Республики Таджикистан на основе международно-правовых актов» (ст. 15) [5]. Показательно сопоставление лексики: в законе 1989 г. русский язык упоминался 32 раза, узбекский 5 раз; в законе 2009 г. они прямо не названы [10, С. 94]. Вместе с тем базовые гарантии многоязычия сохранены преемственно: норма о памирских и ягнобском языках воспроизведена в статье 4, образовательным учреждениям предоставлено право действовать и на других языках (ст. 8) [1], [5]. Летом 2011 г. законодательно закреплен статус русского языка как языка межнационального общения [6], [10, С. 95]. В 2019 г. приняты государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков до 2030 г. [7] и программа развития государственного языка на 2020–2030 гг. [8], что свидетельствует о двунаправленном характере современной языковой политики.

Таблица 1 - Сравнительная характеристика Закона Таджикской ССР «О языке» 1989 г. и Закона Республики Таджикистан «О государственном языке» 2009 г.

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.83.7.1

Параметр	Закон 1989 г.	Закон 2009 г.
Статус таджикского	Государственный язык (ст. 1)	Государственный язык; обязанность владения каждым гражданином (ст. 3)
Статус русского	Язык межнационального общения; билингвизм должностных лиц (ст. 2, 6)	Прямо не упомянут; статус закреплен изменениями 2011 г. [6]
Прочие языки	Узбекский, киргизский, туркменский (ст. 4, 8, 21, 25)	Не упомянуты; допускаются другие языки в образовании (ст. 8)
Памирские и ягнобский	Ст. 3; самостоятельность ГБАО	Ст. 4 (преемственная норма)
Делопроизводство	Поэтапный переход; перевод для не владеющих (ст. 7, 36)	Обязательное применение во всех сферах

 © Авторы статьи / Authors of the article

Параметр	Закон 1989 г.	Закон 2009 г.
Международное измерение	Отсутствует	Содействие защите и развитию языка за рубежом (ст. 15)

Обсуждение

С позиций лингвиста описанную эволюцию следует квалифицировать как последовательно проведенное статусное планирование [21]: Закон 1989 г. присвоил таджикскому языку новый статус (государственный), не изменяя его языкового корпуса, и одновременно переопределил статус русского языка как языка межнационального общения при сохранении его коммуникативной силы в образовании и деловой сфере. Закон 2009 г. развил статусное планирование (обязанность владения, расширение сфер применения) и затронул элементы корпусного планирования (развитие терминологии и норм употребления государственного языка) [5] (ср. норму о переходе к арабской графике в ст. 27 закона 1989 г. [1]). Лингвистически значим и характер билингвизма: закон 1989 г. институционализировал не симметричный, а асимметричный («обслуживающий») билингвизм должностных лиц [1], который и стал механизмом, обеспечившим бесконфликтность перехода. Показательно и то, что статусное планирование опиралось на зрелый научный фундамент: советская школа таджикского языкознания (Д. Таджиев, М. Шакури и др.) создала научную грамматику и отечественную лексикографию, а автором проекта закона 1989 г. выступил действительный член Академии наук, филолог, что наглядно свидетельствует о научной обоснованности языковой политики [16].

Каков общий характер этой эволюции? Проведенный анализ убеждает: перед нами закономерный процесс правового оформления статуса языков, развивавшийся преемственно, а не их конфронтация. Каждый акт решал задачу своего уровня: Закон 1989 г. совершил качественный скачок, придав государственный титул уже полнофункциональному языку республики [1]; Конституция 1994 г. конституировала достигнутую модель [4]; Закон 2009 г. детализовал ее в условиях суверенного государства [5]. Базовые принципы (государственная забота о развитии таджикского языка, равноправие языков, защита памирских и ягнобского) проходят через все акты неизменными [1], [4], [5]. Данный вывод согласуется с характеристикой Закона 1989 г. как компромиссного и взвешенного акта [10, С. 93] и с положением о коммуникативной роли русского языка в межнациональном общении [9], [10, С. 97].

Национально-культурная идентичность таджикского языка раскрывается в его двойной функции: он выступает идентификатором нации (формула «язык нации: сущность нации» [12], [15]) и одновременно фактором интеграции полиэтничного общества. Сохранение свободы выбора языка общения, гарантированной статьей 5 Конституции, обеспечивает баланс между идентичностью и коммуникацией [4], [14, С. 7–19]. Идентичностная емкость языка на практике подтверждена богатой культурной и научной традицией: от прозы С. Айни и поэзии М. Турсун-заде до кириллических изданий классиков древнеперсидского наследия, научных журналов Академии наук Таджикской ССР и всесоюзно признанного таджикского кино [12], [16]. Преемственная эволюция языковой политики подтверждает незыблемость ее основ: государственный язык закреплен как символ государственности, а русский язык как средство межнационального общения, что соответствует и практике других государств СНГ [17, С. 111–112].

Отдельного внимания заслуживает бесконфликтный характер описанной эволюции, феномена, выделяющего Таджикистан на фоне региона. В странах бывшего СССР языковой вопрос неоднократно оборачивался сегрегацией и конфликтами, а в Центральной Азии язык становился предметом межгосударственного торга: в Узбекистане в 2001–2014 гг. сокращалась сеть таджикских и смешанных школ (с 318 до 251) и урезалось преподавание таджикского языка [10, С. 96]. Внутри же Таджикистана переход к новой модели прошел без языкового конфликта благодаря совокупности механизмов: поэтапности внедрения (ст. 36 закона 1989 г.), гарантий свободного функционирования русского языка (ст. 2), обслуживающего билингвизма должностных лиц (ст. 6) и последующей государственной поддержки русского образования. Показательно, что в отличие от многих стран бывшего СССР в Таджикистане русский язык изучается во всех школах обязательно [10, С. 95]. Бесконфликтность, таким образом, заложена в самой конструкции языковой политики и подтверждается ее многолетней стабильностью [4], [7].

В современной модели языковая политика приобрела асимметрично-многоязычный характер: институционализация таджикского языка сочетается с государственной поддержкой изучения русского и английского языков [7], [8], развитием билингвальных практик в образовании [18], [19], [20, С. 112–118]. Вместе с тем сохраняется разрыв между нормой и практикой: документы в деловой сфере нередко составляются на русском языке с последующим переводом [10, С. 94], что указывает на необходимость развития терминологии государственного языка. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом реализации государственных программ 2019–2030 гг. [7], [8] и сопоставительным изучением языковой ситуации в Таджикистане.

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа, мы полагаем возможным сформулировать следующие выводы.

Языковая политика Республики Таджикистан в позднесоветский и постсоветский периоды развивалась преемственно:

– Закон Таджикской ССР «О языке» 1989 г. стал первым актом, оформившим статус таджикского языка в правовом поле;

– Конституция 1994 г. закрепила достигнутую модель;

– Закон 2009 г. развил и детализовал ее в условиях суверенного государства [1], [4], [5].

Закон 1989 г. стал закономерным и вместе с тем революционным по своим последствиям актом: он возвел в ранг государственного полноценно функционирующий язык республики, причем сделал это поэтапно и взвешенно, сохранив свободное функционирование русского языка и гарантии многоязычия [1], [10, С. 93]. Это свидетельствует о

 © Авторы статьи / Authors of the article

том, что языковая политика Таджикистана изначально строилась не на конфронтации, а на эволюции и функциональном взаимодействии языков.

Наконец, бесконфликтный характер придания таджикскому языку статуса государственного и переопределения русского языка как языка межнационального общения, осуществленный преимущественно правовыми средствами, на основе компромисса и поэтапности, составляет феномен таджикистанской языковой политики, имеющий существенное сравнительно-сопоставительное значение для изучения постсоветских языковых процессов.

Таджикский язык выполняет функции идентификатора нации и символа государственности, а русский язык выполняет функцию средства межнационального общения и образования [9], [12], [17]. Практическая значимость результатов состоит в возможности их использования при совершенствовании языкового законодательства, развитии терминологии государственного языка и разработке образовательных программ. Дальнейшее исследование предполагает анализ исполнения государственных программ 2019–2030 гг. и сопоставительное изучение языковой ситуации в Республике Таджикистан, что составит содержание следующего этапа работы по теме диссертации.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Булгарова Б.А., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва Российская Федерация
DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.83.7.2

Conflict of Interest

None declared.

Review

Bulgarova B.A., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow Russian Federation
DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.83.7.2

Список литературы / References

1. О языке : Закон Таджикской ССР № 150 от 22.07.1989 // Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. — 1989. — № 15. — Ст. 102.

2. О порядке введения в действие Закона Таджикской ССР о языке : постановление Верховного Совета Таджикской ССР № 152 от 22.07.1989. — Душанбе, 1989.

3. О мероприятиях по выполнению Закона Таджикской ССР о языке : постановление Совета Министров Таджикской ССР от 17.07.1989 // Вечерний Душанбе. — 1989. — 17 июля. — № 136(5276).

4. Конституция Республики Таджикистан : принята всенародным референдумом 06.11.1994: с изм. от 26.09.2022. — URL: http://www.president.tj (дата обращения: 05.09.2026).

5. О государственном языке Республики Таджикистан : Закон Республики Таджикистан № 553 от 05.10.2009 // Ахбори Маджлиси Олии Республики Тоҷикистон. — 2009. — № 9-10. — Мод. 546.

6. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» : Закон Республики Таджикистан № 730 от 28.06.2011. — Душанбе, 2011.

7. О государственной программе совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года : постановление Правительства Республики Таджикистан № 438 от 30.08.2019. — Душанбе, 2019.

8. Государственная программа развития государственного языка Республики Таджикистан на 2020–2030 годы : утв. Правительством Республики Таджикистан. — Душанбе, 2019.

9. Нозимов А.А. Языковая ситуация в современном Таджикистане: состояние, особенности и перспективы : автореф. дис. … д-ра филол. наук / А.А. Нозимов. — Душанбе, 2010. — 51 с.

10. Даудов А.Х. Проблема трансформации статуса национальных языков народов СССР на примере советского и постсоветского Таджикистана в 1980–2010-е гг. / А.Х. Даудов, Д.В. Овсянников, А.Р. Хасанов [и др.] // Общество. Среда. Развитие. — 2015. — № 4. — С. 91–99.

11. Шустов А.В. Формирование этнонациональной структуры независимых государств Средней Азии: 1990-е – начало 2010-х гг. / А.В. Шустов. — Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2016. — 209 с.

12. Рахмон Э. Забони миллат — хастии миллат / Э. Рахмон. — Душанбе : Эр-граф, 2016. — 516 с.

13. Мадамиджонова М. Актуальные вопросы национальной идентичности в Республике Таджикистан / М. Мадамиджонова // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. — 2020. — № 2(92). — С. 36–41.

14. Дубровская Н.Н. Национальная идентичность и гражданская принадлежность: становление дискурса / Н.Н. Дубровская, В.П. Кожевникова // Проблемы современного образования. — 2020. — № 5. — С. 7–19.

15. Шербоев С. Хифзи забон — хифзи Ватан мебошад / С. Шербоев // Масъалаҳои умуминазариявии педагогика. — 2020. — № 3(36). — С. 37–41.

16. Сайфиддинов Б.Х. Саҳми Ассосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ — Пешвои миллат дар эҳё ва рушди забони давлатӣ / Б.Х. Сайфиддинов. — Душанбе, 2021. — С. 75–83.

17. Нагзибекова М.Б. Статус русского языка в Республике Таджикистан / М.Б. Нагзибекова // Языковая политика стран Содружества Независимых Государств (СНГ) : материалы II Международного конгресса, Алма-Ата, 26–28 октября 2021 г. — Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. — С. 111–112.

18. Искандарова Д.М. Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны / Д.М. Искандарова // Русин. — 2023. — № 74. — С. 319–338.

19. Халимзода З.А. Русский язык в образовательной среде Республики Таджикистан / З.А. Халимзода // Концепт. — 2024. — Т. 12. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69848 (дата обращения: 05.09.2026).

 © Авторы статьи / Authors of the article

20. Бобохонов Р.М. Формирование билингвизма в условиях многоязычия Таджикистана / Р.М. Бобохонов // Вестник Таджикского национального университета. — 2021. — № 4. — С. 112–118.

21. Haugen E. Linguistics and language planning / E. Haugen // Sociological Inquiry. — 1966. — Vol. 36, № 2. — P. 13–25.

Список литературы на английском языке / References in English

1. O yazyke [On language] : Law of the Tajik SSR No. 150 of 22.07.1989 // Vedomosti Verkhovnogo Soveta Tadzhikskoy SSR [Bulletin of the Supreme Soviet of the Tajik SSR]. — 1989. — № 15. — Art. 102. [in Russian]

2. O poryadke vvedeniya v deystviye Zakona Tadzhikskoy SSR o yazyke [On the procedure for putting into effect the Law of the Tajik SSR on language] : Resolution of the Supreme Soviet of the Tajik SSR No. 152 of 22.07.1989. — Dushanbe, 1989. [in Russian]

3. O meropriyatiyakh po vypolneniyu Zakona Tadzhikskoy SSR o yazyke [On measures to implement the Law of the Tajik SSR on language] : Resolution of the Council of Ministers of the Tajik SSR of 17.07.1989 // Vecherniy Dushanbe [Evening Dushanbe]. — 1989. — July 17. — № 136(5276). [in Russian]

4. Konstitutsiya Respubliki Tadzhikistan [Constitution of the Republic of Tajikistan] : adopted by nationwide referendum on 06.11.1994 : as amended on 26.09.2022. — URL: http://www.president.tj (accessed: 05.09.2026). [in Russian]

5. O gosudarstvennom yazyke Respubliki Tadzhikistan [On the state language of the Republic of Tajikistan] : Law of the Republic of Tajikistan No. 553 of 05.10.2009 // Akhbori Madzhlisi Olii Respubliki Tojikiston [Bulletin of the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan]. — 2009. — № 9-10. — Art. 546. [in Russian]

6. O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Zakon Respubliki Tadzhikistan "O normativnykh pravovykh aktakh" [On introducing amendments and additions to the Law of the Republic of Tajikistan "On normative legal acts"] : Law of the Republic of Tajikistan No. 730 of 28.06.2011. — Dushanbe, 2011. [in Russian]

7. O gosudarstvennoy programme sovershenstvovaniya prepodavaniya i izucheniya russkogo i angliyskogo yazykov v Respublike Tadzhikistan na period do 2030 goda [On the state program for improving the teaching and learning of Russian and English in the Republic of Tajikistan for the period up to 2030] : Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan No. 438 of 30.08.2019. — Dushanbe, 2019. [in Russian]

8. Gosudarstvennaya programma razvitiya gosudarstvennogo yazyka Respubliki Tadzhikistan na 2020–2030 gody [State program for the development of the state language of the Republic of Tajikistan for 2020–2030] : approved by the Government of the Republic of Tajikistan. — Dushanbe, 2019. [in Russian]

9. Nozimov A.A. Yazykovaya situatsiya v sovremennom Tadzhikistane: sostoyaniye, osobennosti i perspektivy [The language situation in modern Tajikistan: state, features and prospects] : abstract of diss. ... PhD in Philol. Sciences / A.A. Nozimov. — Dushanbe, 2010. — 51 p. [in Russian]

10. Daudov A.Kh. Problema transformatsii statusa natsional'nykh yazykov narodov SSSR na primere sovetskogo i postsovetskogo Tadzhikistana v 1980–2010-e gg. [The problem of transforming the status of national languages of the peoples of the USSR on the example of Soviet and post-Soviet Tajikistan in the 1980s–2010s] / A.Kh. Daudov, D.V. Ovsyannikov, A.R. Khasanov [et al.] // Obshchestvo. Sreda. Razvitiye [Society. Environment. Development]. — 2015. — № 4. — P. 91–99. [in Russian]

11. Shustov A.V. Formirovaniye etnonatsional'noy struktury nezavisimykh gosudarstv Sredney Azii: 1990-e – nachalo 2010-kh gg. [Formation of the ethnonational structure of the independent states of Central Asia: the 1990s – early 2010s] / A.V. Shustov. — Moscow : KMK Scientific Press Ltd., 2016. — 209 p. [in Russian]

12. Rahmon E. Zaboni millat — hastii millat [The language of the nation is the essence of the nation] / E. Rahmon. — Dushanbe : Er-graf, 2016. — 516 p. [in Tajik]

13. Madamidzhonova M. Aktual'nyye voprosy natsional'noy identichnosti v Respublike Tadzhikistan [Current issues of national identity in the Republic of Tajikistan] / M. Madamidzhonova // Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarnykh nauk [Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanities]. — 2020. — № 2(92). — P. 36–41. [in Russian]

14. Dubrovskaya N.N. Natsional'naya identichnost' i grazhdanskaya prinadlezhnost': stanovleniye diskursa [National identity and civic affiliation: the formation of discourse] / N.N. Dubrovskaya, V.P. Kozhevnikova // Problemy sovremennogo obrazovaniya [Problems of Modern Education]. — 2020. — № 5. — P. 7–19. [in Russian]

15. Sherboev S. Khifzi zabon — khifzi Vatan meboshad [To preserve the language is to preserve the Motherland] / S. Sherboev // Mas"alakh oi umumunazariyavii pedagogika [Problems of General Theoretical Pedagogy]. — 2020. — № 3(36). — P. 37–41. [in Tajik]

16. Sayfiddinov B.Kh. Sakhmi Assosguzori sulhu vakhdati millī — Peshvoi millat dar ehyo va rushdi zaboni davlatī [The contribution of the Founder of peace and national unity — the Leader of the nation to the revival and development of the state language] / B.Kh. Sayfiddinov. — Dushanbe, 2021. — P. 75–83. [in Tajik]

17. Nagzibekova M.B. Status russkogo yazyka v Respublike Tadzhikistan [The status of the Russian language in the Republic of Tajikistan] / M.B. Nagzibekova // Yazykovaya politika stran Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv (SNG) [Language policy of the Commonwealth of Independent States (CIS)] : proceedings of the II International Congress, Almaty, October 26–28, 2021. — Moscow : Pushkin State Russian Language Institute, 2021. — P. 111–112. [in Russian]

18. Iskandarova D.M. Yazykovaya situatsiya v Tadzhikistane: etnokontaktnyye zony [The language situation in Tajikistan: ethno-contact zones] / D.M. Iskandarova // Rusin [Rusin]. — 2023. — № 74. — P. 319–338. [in Russian]

19. Khalimzoda Z.A. Russkiy yazyk v obrazovatel'noy srede Respubliki Tadzhikistan [The Russian language in the educational environment of the Republic of Tajikistan] / Z.A. Khalimzoda // Kontsept [Concept]. — 2024. — Vol. 12. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69848 (accessed: 05.09.2026). [in Russian]

 © Авторы статьи / Authors of the article

20. Bobokhonov R.M. Formirovaniye bilingvizma v usloviyakh mnogoyazychiya Tadzhikistana [Formation of bilingualism in the conditions of multilingualism in Tajikistan] / R.M. Bobokhonov // Vestnik Tadzhikskogo natsional'nogo universiteta [Bulletin of the Tajik National University]. — 2021. — № 4. — P. 112–118. [in Russian]

21. Haugen E. Linguistics and language planning / E. Haugen // Sociological Inquiry. — 1966. — Vol. 36, № 2. — P. 13–25.